

КОГДА МИНИСТРУ НЕ ДО ПЕСЕН

Комм. правде - 1991. - 5 марта

Как известно, культура у нас финансируется по остаточному принципу. Но вот, глядя на рабочее место министра культуры Азербайджана Полада Бюль-Бюль оглы, этого не скажешь: просторный кабинет, отличная мебель, компьютер на столе, в кадках растут лимоны... Говорят, второго такого кабинета нет во всем Доме правительства в Баку. В свое время его строили для первого лица в республике — товарища Багирова. И вид открывается очень красивый: море, набережная, площадь...

— В первые дни после моего назначения на этот пост, — вспоминает министр, — обстановка была, прямо скажем, не рабочая. Окна выходят прямо на площадь, а там как раз в те дни бушевали митинги. Это было в декабре 1988 года.

— Примерно в то же время министром культуры Латвии был назначен Раймонд Паулс. Вас тогда часто сравнивали.

— Раймонд Волдемарович стал министром на пару месяцев раньше, чем я. Конечно, мы с ним иногда обмениваемся впечатлениями. Как-то на коллегии в Минкульте СССР он пошутил: когда прихожу с работы, то сил хватает лишь на то, чтобы сесть к роялю и сыграть «Темную ночь».

— Ну уж, наверное, работать-то придется не только в кабинете. Руководитель нового типа, как известно, должен быть в гуще масс.

— Конечно, езжу по республике. И то, что я вижу, наводит меня на грустные мысли: за 70 с лишним лет так и не смогли мы построить того, что принято называть социальным бытом. Школы, музеи, библиотеки — в ужасном состоянии. И, знаете, иногда мне бывает стыдно за то, что я министр культуры. Тем более что знаю: в ближайшие годы я ситуацию кардинально изменить не смогу. Мы при министерстве создали два строительных треста. А это значит — транспорт, бетон, цемент, гвозди, железо. Ни один министр культуры в мире, наверное, не начинает свой рабочий день с обхода стройплощадки, как это сделал сегодня я.

И при этом все пороят нами руководить. Положим, заработали мы несколько сот долларов за выступления нашего оркестра за рубежом. Львиную долю и так ведь отдаем государству. Но даже то, что остается, не можем использовать по своему усмотрению. Положим, нужны струны для рояля — за доллары. Для этого я должен написать тонны бумаги, все обосновать. А мне ответят: струны для роялей выпускает запорожский завод, закупать их на валюту считаем нецелесообразным.

— Вот она — родная бюрократия. Трудно с непривычки?

— Вы знаете, бюрократия она везде есть, не только у нас. И винить бюрократию как таковую я бы не стал. Вот, кстати, пример из моей жизни. В квартире у меня вечно беспорядок, даже на рабочем столе. Я — Водолей. Иногда на меня что-то нападает, все привожу в порядок. Но этого хватает дня на три-четыре.

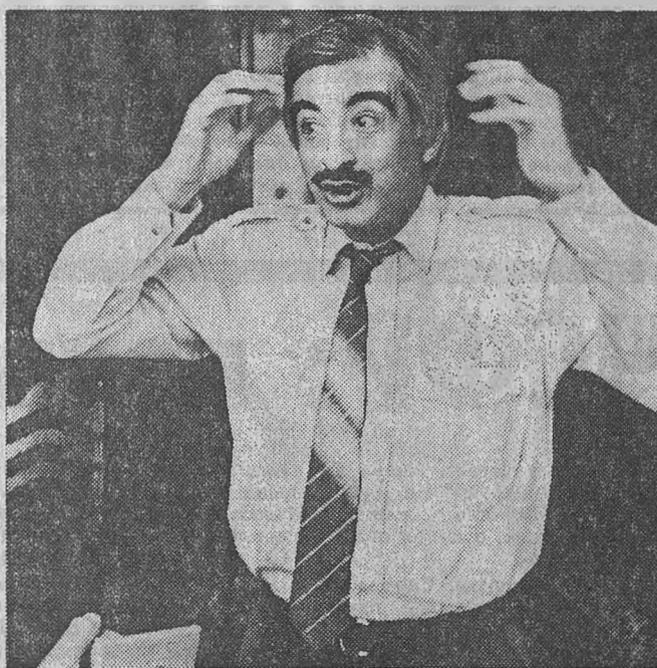
А когда стал директором республиканской филармонии, у меня вдруг появилось новое отношение к бумагам — пунктуальность, я сам удивлялся, откуда что берется.

— Такая страсть к порядку появилась у вас только с назначением на министерский пост?

— Думаю, это во мне с детства сидело. Сначала я был председателем совета отряда, через год — председателем совета дружины. Когда стал секретарем комитета комсомола музыкальной школы, у меня появился собственный стол и предмет моей особой гордости — маленький сейф, в котором хранился штампик (уплату членских взносов отмечать), деньги, бланки разные. Ключи я все время на пальце носил. Вот тогда, наверное, я и ощутил тягу к административной работе. Потом меня выбрали членом райкома комсомола, а в 1962 году я стал участником XIV съезда ВЛКСМ. Москва, Дворец съездов, гостиница «Юность» — она тогда только открылась. Романтика!

— Но ведь вам и сейчас не дают чувствовать себя стариком?

— Да, со всех сторон твер-

дят: ах, какой молодой министр! А я себя молодым не считаю. Мне 45 лет. Министр культуры Турции, страны с 60-миллионным населением, моложе меня на год. Вот что действительно необычно, так это то, что я, возможно, единственный в стране разведенный министр.

— Как на это реагирует женское население республики?

— А как оно может реагировать? Представляете, какой шанс: выйти замуж, и сразу — за министра!

— С чего вы начали свой первый рабочий день?

— Позвонил на республиканское радио и телевидение и попросил больше моих записей в эфир не давать. Я понял, что кончился очень важный период в моей жизни и возврата к нему нет. С тех пор я всего три раза выступил по ЦТ, а для республиканского телевидения сделал только одно исключение: исполнил песню, посвященную Карабаху. Съемку вели прямо из моего кабинета, я играл вот на этом рояле.

— Как изменилось ваше материальное положение с приходом на пост министра?

— Заметно ухудшилось. Я ведь из тех людей, которые

тем самым делает мне доброе дело. Ну люди и идут.

Вот недавно был эпизод. У меня совещание. Входит секретарша, докладывает: приехал какой-то старик, весь в орденах, говорит — дело срочное, никого, кроме министра, видеть не желает. Усадил его в кресло, слушаю. Дед себя ведет, как хорошо воспитанный англичанин: рассказал про погоду у себя в районе, как он сюда добирался, сколько у него детей... В общем, идет вполне светская беседа. Мне бежать куда-то надо, куча бумаг на столе, но превратить старого человека вроде как-то неудобно. Сажу, поддакиваю, время от времени вставляю типа «дай бог здоровья, дедушка, твоим детям и внукам». В конце концов выясняется: старик хочет, чтобы я его внучку устроил в университет.

Ну ладно, этому старику простительно. Но ведь ко мне постоянно идут с такими просьбами: машины, квартиры, звания, пенсии. Понимаете, это ведь трагедия, когда к министру культуры идут не с предложениями открыть новый театр, создать новую труппу, а в основном с личными просьбами.

— Но многие все же идут к вам не как к министру, а как к человеку очень известному, обладающему авторитетом, который выслушает, поможет чисто по-человечески. А что если вам подобрать себе таких же популярных в республике замов? Глядишь, часть проблем удалось бы решать через них?

— Большинство людей в министерстве — честные и добросовестные, работают с утра до вечера. Но при нашей системе этого мало. Нужны люди, способные рисковать, предлагать нестандартные решения. А таких людей, к сожалению, мало. Я это только теперь понял. Когда работал директором филармонии, никак не мог взять в толк: ну почему министерство не делает того-то и того-то? Это ведь элементарно. Или как этого человека можно держать на таком ответственном посту, он же ничего не смыслит в своей работе. А стал министром и вижу: эту элементарную проблему, оказывается,

не так-то просто решить. Человека нельзя уволить потому, что у него большие связи и без него придется туго.

— Вопрос деликатный, поэтому и сформулировать его попробуем мягче: вы очень дорожите министерским креслом?

— Вопрос понял. Вы знаете, чисто по-человечески я с приходом в министерство больше потерял, чем приобрел. Так что если придется оставить пост, жалеть не стану. С голоду я точно не умру. У меня есть друзья, есть имя. Я могу хоть сегодня поехать работать в Турцию, в Америку. Предлагали перебраться на постоянную работу в Москву. Я ведь жил в Москве 15 лет, причем в очень хороших условиях: «Мерседес», квартира на Кутузовском проспекте, почет и уважение. Но — скучал по Баку. Хотя все мои бакинские друзья часто приезжали в Москву, да и сам я домой часто наведывался. Даже если меня приглашали выступить в Доме пионеров, я брал билет за свой счет и летел. А в последнее время все больше понимаю, что человек должен жить и работать там, где он родился.

— Надо полагать, свободного времени у министра мало?

— Его нет.

— А как вы снимаете напряжение?

— За рулем автомобиля.

— А на сцену все же тянет?

— Большая тема. Была у нас недавно София Ротару с концертами. Я сижу в зале, она — на сцене. Ей — цветы, овации, а я сижу и думаю: ведь для меня это все уже позади. Вдруг Ротару спускается в зал, подхлдит ко мне и говорит: пошли на сцену. Я взмолился: Соня, ты что, я уже давно не пою. А она мне: ну тогда давай станцую. Идет инструментальный проигрыш, а мы с ней стали танцевать. Что тут в зале началось! Люди встали с мест, устроили нам овацию. Совсем как в молодости: Соня и Полад. Только одна еще поет, а второй — чиновник...

Л. ЗАХАРОВ и Ю. ФИЛИНОВ.

Баку — Москва.